

ДИВЕРГЕНТ

Инсургент
Эллингент
Четыре.
История дивергента

ДИВЕРГЕНТ

ВЕРОНИКА
РОТ

МОСКВА
2024

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
P79

Veronica Roth
DIVERGENT

Copyright © 2011 by Veronica Roth

Published by arrangement with HarperCollins Children's Books,
a division of HarperCollins Publishers

Иллюстрация на обложке и в блоке JAMESLINK

Рот, Вероника.

P79 Дивергент / Вероника Рот ; [перевод с английского А. Ки-
лановой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-180362-9

Беатрис Прайор живет в государстве, разделенном на пять фракций. Фракция превыше семьи. Твоя добродетель определяет твою роль в обществе, твое будущее. Беатрис исполнилось шестнадцать, и она должна выбирать свой путь. Но в день проверки склонностей девушке открывается тайна, которая перевернет всю ее жизнь. Она решается на рискованный поступок, который разобьет сердца ее близких, но даст самой Беатрис шанс стать одной из тех, кем она восхищается. Или это просто погубит ее.

**УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44**

© **Киланова А., перевод на русский язык,
2024**

© **Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024**

ISBN 978-5-04-180362-9

Моей матери, подарившей мне
эпизод, когда Беатрис осознает,
насколько сильна ее мать,
и недоумевает, отчего
не замечала этого так долго

Глава 1

В моем доме всего одно зеркало. Оно спрятано за подвижной панелью в коридоре наверху. Наша фракция разрешает мне смотреться в него во второй день каждого третьего месяца — день, когда мама подстригает мне волосы.

Я сижу на стуле, а она стоит за спиной и щелкает ножницами. Пряди падают на пол тусклым светлым кольцом.

Закончив, мама убирает мои волосы назад и стягивает в узел. Я замечаю, какой спокойной она выглядит, насколько она сосредоточенна. Она достигла мастерства в искусстве отрешения. О себе я не могу сказать того же.

Пока она не смотрит, я украдкой бросаю взгляд на свое отражение — не из тщеславия, а из любопытства. За три месяца внешний вид человека может очень сильно измениться. В стекле отражается узкое лицо, большие круглые глаза и длинный тонкий нос — я по-прежнему похожа на ребенка, хотя несколько месяцев назад мне исполнилось шестнадцать. Другие фракции отмечают дни рождения, но не мы. Это было бы потаканием нашим прихотям.

— Готово, — говорит мама, закрепив узел шпильками.

Наши взгляды встречаются в зеркале. Слишком поздно отводить глаза, но, вместо того чтобы отругать меня, мама улыбается нашему отражению. Я чуть хмурюсь. Почему она не выговаривает мне за то, что я смотрю в зеркало?

— Итак, день настал, — произносит она.

— Да, — отвечаю я.

— Ты волнуешься?

Я мгновение смотрю себе в глаза. Сегодня день проверки склонностей, которая покажет, какая из пяти фракций мне подходит. А завтра, на Церемонии выбора, я решу, в какую фракцию вступить; я определю всю свою будущую жизнь; я решу, остаться с семьей или покинуть ее.

— Нет, — говорю я. — Тесты не должны повлиять на наш выбор.

— Правильно, — улыбается мама. — Идем завтракать.

— Спасибо. За то, что подстригла мне волосы.

Она целует меня в щеку и закрывает зеркало панелью.

Мне кажется, мать была бы красивой в другом мире.

Под ее серым балахоном — худощавое тело. У нее высокие скулы и длинные ресницы, и, когда она распускает волосы на ночь, они волнами ниспадают на плечи. Но в Альтруизме она должна скрывать свою красоту.

Мы вместе идем на кухню. В такие утра, когда мой брат готовит завтрак, когда рука отца ерошит мне волосы, пока он читает газету, а мать напевает себе под нос, убирая со стола, — в такие утра мне особенно стыдно, что я хочу их покинуть.

В автобусе воняет выхлопными газами. Каждый раз, как он налетает на неровный участок мостовой, меня швыряет из стороны в сторону, хотя я держусь за сиденье обеими руками.

Мой старший брат Калев стоит в проходе и держится за поручень над головой. Мы с ним непохожи. У него темные волосы и горбатый нос, как у отца, и зеленые глаза и ямочки на щеках, как у матери. Когда он был младше, подобное сочетание черт казалось странным, но теперь оно ему идет. Если бы он не был альтруистом, уверена, в школе на него бы заглядывались.

Он также унаследовал мамин дар к самопожертвованию. Он уступил свое место угрюмому правдолюбу, ни секунды не размышляя.

На правдолюбие черный костюм с белым галстуком — стандартная униформа Правдолюбия. Их фракция ценит честность и видит истину в черно-белом свете, вот почему они так одеваются.

По мере того как мы приближаемся к центру города, промежутки между домами становятся все более узкими, а дороги — ровными. Здание, которое когда-то носило название Сирс-тауэр — мы называем его «Втулкой», — выплывает из тумана, черный столб на горизонте. Автобус проезжает под эстакадой. Я ни разу не ездила на поезде, хотя они не переставали ходить и рельсы проложены повсюду. На поездах ездят только лихачи.

Пять лет назад добровольцы-рабочие из Альтруизма заменили покрытие на некоторых дорогах. Они начали с центра города и шли к окраинам, пока не кончились материалы. Дороги рядом с моим домом по-прежнему потрепавшиеся и неровные, и ездить по ним небезопасно. Впрочем, у нас все равно нет машины.

9

Пока автобус раскачивается и подпрыгивает на дороге, лицо Калеба остается безмятежным. Он хватается за поручень в поисках равновесия, и рукав серого балахона спадает с его плеча. По непрерывному движению его глаз понятно, что он наблюдает за окружающими — старается видеть только их и забыть о себе. Правдолюбые ценят честность, но наша фракция, Альтруизм, ценит самоотверженность.

Автобус останавливается перед школой, и я встаю и протискиваюсь мимо правдолюбца. Перешагивая через ботинки мужчины, я хватаюсь за руку Калеба. У меня слишком длинные брюки, и я никогда не была особенно грациозной.

Здание Верхних ступеней — самое старое из трех городских школ: Нижних ступеней, Средних ступеней и Верхних ступеней. Как и окружающие дома, оно построено из стекла и стали. Перед ним стоит большая металлическая скульптура, на которую лихачи залезают после уроков, под-

стрекая друг друга забираться все выше и выше. В прошлом году я видела, как одна лихачка упала и сломала ногу. Это я сбегала за медсестрой.

— Сегодня проверка склонностей, — говорю я.

Кaleb старше меня меньше чем на год, поэтому мы учимся в одном классе.

Он кивает, когда мы входим в парадную дверь. В тот же миг все мои мышцы напрягаются. Атмосфера пронизана голодом, как будто каждый шестнадцатилетка пытается выжать все возможное из своего последнего дня. Вероятно, после Церемонии выбора нам больше не придется ходить по этим коридорам: как только мы примем решение, нашим образованием займутся наши новые фракции.

Уроки сегодня урезаны вдвое, чтобы мы успели посетить их до проверки склонностей, которая начнется после обеда. Мое сердце уже бьется в ускоренном темпе.

— Тебя ничуть не волнует, что покажет проверка? — спрашиваю я Калеба.

Мы останавливаемся на развилке, откуда он пойдет в одну сторону, на углубленный курс математики, а я — в другую, на историю фракций.

Он вздергивает бровь.

— А тебя?

Я могла бы сказать ему, что много недель переживаю из-за того, что покажет проверка — Альтруизм, Правдолюбие, Эрудицию, Товарищество или Лихость.

Вместо этого я улыбаюсь и говорю:

— Не очень.

Он улыбается в ответ.

— Что ж... приятного дня.

Я иду на историю фракций, покусывая нижнюю губу. Он так и не ответил на мой вопрос.

В коридорах тесно, хотя свет из окон создает иллюзию простора; в нашем возрасте это единственное место, где фракции смешиваются. Сегодня толпа пропитана новой энергией, ажиотажем последнего дня.

Девочка с длинными кудрявыми волосами кричит «Эй!» у меня над ухом, махая подружке вдалеке. Рукав пиджака задевает мою щеку. Затем меня толкает эрудит в голубом свитере. Я теряю равновесие и падаю на пол.

— С дороги, Сухарь! — рявкает он и идет дальше по коридору.

У меня вспыхивают щеки. Я встаю и отряхиваюсь. Несколько человек остановились, когда я упала, но никто не предложил мне помощь. Их взгляды провожают меня до конца коридора. Подобные случаи происходят с членами моей фракции уже несколько месяцев: Эрудития издает враждебные отчеты об Альтруизме, и это начало влиять на отношения в школе. Серая одежда, простая прическа и скромные манеры моей фракции должны помочь мне забыть о себе, а также помочь всем остальным забыть обо мне. Но сейчас они делают меня мишенью.

Я останавливаюсь у окна в крыле «Е» и жду, когда придут лихачи. Я каждое утро так делаю. Ровно в 7.25 лихачи подтверждают свою отвагу, спрыгивая с движущегося поезда.

Отец называет лихачей бузотерами. Они покрыты пирсингом и татуировками и носят черную одежду. Их главная задача — охранять ограду вокруг нашего города. От чего — я не знаю.

Они должны приводить меня в замешательство. Я должна недоумевать, какая связь между смелостью — добродетелью, которую они ценят превыше всего, — и металлическим кольцом в носу. Вместо этого я не могу отвести от них глаз.

Поезд пронзительно гудит, звук эхом отдается у меня в груди. Фонарь, приделанный спереди к паровозу, включается и выключается, когда поезд проносится мимо, визжа на железных рельсах. Остается всего несколько вагонов, и тут куча молодых парней и девочек в темной одежде высыпается из мчащихся вагонов, кто-то падает и катится, остальные пробегают пару шагов и обретают равновесие. Один из мальчиков, смеясь, обнимает девочку за плечи.

Наблюдать за ними — глупая привычка. Я отворачиваюсь от окна и пробираюсь сквозь толпу в класс истории фракций.

Глава 2

Проверка начинается после обеда. Мы сидим за длинными столами в столовой, и распорядители называют по десять имен зараз, по одному для каждой проверочной комнаты. Я сижу рядом с Калобом и напротив нашей соседки Сьюзен.

Отец Сьюзен ездит на работу через весь город, поэтому у него есть машина и он подвозит дочь в школу и домой каждый день. Он предлагал подвозить и нас, но, как говорит Калоб, мы предпочитаем выходить из дома попозже и не хотим доставлять ему неудобств.

Ну конечно, не хотим.

Распорядители — в основном добровольцы-альтруисты, хотя в одной из проверочных комнат сидит эрудит, а в другой — лихач, чтобы проверять альтруистов, потому что правила запрещают проверку членами собственной фракции. В правилах также говорится, что мы не можем подготовиться к тесту, поэтому я не знаю, чего ожидать.

Я перевожу взгляд со Сьюзен на столы лихачей на другой стороне комнаты. Лихачи смеются, кричат и играют в карты. За третьей группой столов эрудиты щебечут над книгами и газетами в вечном поиске знаний.

Стайка товарок в желтом и красном сидят кружком на полу и играют в ладушки, читая стишок. Каждые несколько минут раздается взрыв смеха, когда одна из них выбывает и садится в середине круга. За столом рядом с ними размахивают руками правдолюбы. Кажется, они спорят о чем-то, но

вряд ли всерьез, ведь некоторые из них продолжают улыбаться.

Мы за столом Альтруизма сидим тихо и ждем. Традиции фракций регулируют даже праздное поведение и подавляют личные предпочтения. Сомневаюсь, что все эрудиты хотят учиться дни напролет или что всем правдолюбам по душе жаркий спор, но они могут пренебречь обычаями своих фракций не больше меня.

Имя Калеба называют в следующей группе. Он уверенно идет к выходу. Мне незачем желать ему удачи или завидовать, что беспокоиться не о чем. Он знает, где его место, и, насколько мне известно, всегда знал. Мое самое раннее воспоминание о брате — когда нам было по четыре года. Он выбрал меня за то, что я не отдала свою скакалку маленькой девочке на детской площадке, которой было не с чем играть. Сейчас он редко читает мне нотации, но я навсегда запомнила неодобрение на его лице.

Я пытаюсь объяснить ему, что у меня другие инстинкты — мне даже не пришло в голову уступить место правдолюби в автобусе, — но он не понимает.

«Просто делай что должно», — всегда говорит он. Для него все так просто. Но не для меня.

У меня сжимается желудок. Я закрываю глаза и открываю только через десять минут, когда Калекб садится на место.

Он весь белый как мел. Он прижимает ладони к коленям — я так делаю, если хочу стереть с них пот, — затем отрывает их, и его пальцы дрожат. Я открываю рот, чтобы о чем-то спросить, но слова не вылетают. Я не вправе спрашивать его о результатах, а он не вправе отвечать мне.

Доброволец-альтруист называет имена следующего круга. Двое из Лихости, двое из Эрудии, двое из Товарищества, двое из Правдолюбия, и наконец: «Из Альтруизма: Сьюзен Блэк и Беатрис Прайор».

Я встаю, потому что должна, но, будь моя воля, я осталась бы на месте до конца проверки. В груди словно

надувается пузырь, который с каждой секундой становится все больше и больше, угрожая разорвать меня изнутри. Я иду за Сьюзен к выходу. Люди, мимо которых я прохожу, наверное, не различают нас. Мы носим одинаковую одежду и одинаково причесываем свои светлые волосы. Единственная разница — то, что Сьюзен, вероятно, не тошнит и, насколько я могу судить, ее руки не дрожат так сильно, что приходится держаться за подол рубашки.

Рядом со столовой выстроились в ряд десять комнат. Они используются только для проверки склонностей, так что я ни разу не бывала в них прежде. В отличие от остальных комнат в школе они отделены не стеклами, а зеркалами. Я наблюдаю за собой, бледной и испуганной, идущей к одной из дверей. Сьюзен нервно улыбается мне и заходит в комнату 5, а я захожу в комнату 6, где меня ждет лихачка.

Она не кажется такой суровой, как молодые лихачи, которых я встречала. У нее маленькие темные глаза с заостренными уголками; на ней черный пиджак — как от мужского костюма — и джинсы. Лишь когда она поворачивается, чтобы закрыть дверь, я вижу татуировку на ее шее: черно-белого ястреба с красным глазом. Если бы у меня в горле не стоял ком, я спросила бы, что это значит. Это наверняка что-то значит.

Внутренние стены комнаты покрыты зеркалами. Я вижу свое отражение со всех ракурсов: серая ткань, скрывающая очертания спины, длинная шея, узловатые пальцы, красные от прилива крови. Потолок светится белым. Посередине комнаты стоит откидывающееся кресло, как у стоматолога, а рядом с ним — машина. В подобном месте должны происходить ужасные вещи.

— Не бойся, — говорит женщина, — это не больно.

У нее черные прямые волосы, но на свету я вижу в них прожилки седины.

— Садись и устраивайся поудобнее, — продолжает она. — Меня зовут Тори.

Я неуклюже опускаюсь в кресло и откидываюсь, положив голову на подголовник. Свет режет глаза. Тори возится с машиной справа от меня. Я пытаюсь сосредоточиться на ней, а не на проводах в ее руках.

— Почему ястреб? — выпаливаю я, когда она прикрепляет электрод к моему лбу.

— Впервые вижу любопытного альтруиста. — Она вздергивает брови.

Я ежусь, и мои руки покрываются гусиной кожей. Мое любопытство — ошибка, предательство ценностей Альтруизма.

Тихонько напевая, Тори прижимает еще один электрод к моему лбу и поясняет:

— В некоторых частях древнего мира ястреб символизировал солнце. В свое время я решила, что, если на мне всегда будет солнце, я перестану бояться темноты.

Я пытаюсь удержаться от очередного вопроса, но тщетно.

— Вы боитесь темноты?

— Я боялась темноты, — поправляет Тори.

Она прижимает следующий электрод к своему собственному лбу, прикрепляет к нему провод и пожимает плечами.

— Теперь он напоминает мне о страхе, который я преодолела.

Она встает сзади. Я сжимаю подлокотники кресла так крепко, что костяшки моих пальцев белеют. Тори тянет на себя провода, прикрепляет их к себе, ко мне, к машине у себя за спиной. Затем передает мне пробирку с прозрачной жидкостью.

— Выпей, — говорит она.

— Что это?

Мое горло как будто распухло. Я с трудом сглатываю.

— Что случится?

— Я не могу тебе сказать. Просто доверься мне.

Я шумно выдыхаю и опрокидываю содержимое пробирки в рот. Мои глаза закрываются.

